

Работа продолжается

Спустя несколько часов после награждения Нобелевской премией мира д-р ЭльБарадей провел откровенную беседу с постоянным корреспондентом Си-Эн-Эн Джонатаном Манном, чьи острые вопросы касались наиболее дискуссионных мировых проблем. Ниже приводятся некоторые материалы из этого интервью, переданного по Си-Эн-Эн.

Джонатан Манн (ДМ): д-р ЭльБарадей, Вы считаете себя детективом?

ЭльБарадей (ЭльБ): Пожалуй, я считаю детективом мою организацию. Я руковожу этой организацией, так что меня можно назвать главным детективом. Я не владею всеми детективными методами, но я знаю, как работать с детективами.

ДМ: Позвольте мне задать Вам вопрос по одной из недавних новостных тем: Северной Корее. Ваше агентство не работает там уже в течение трех лет. С 2002 года Пхеньян не допускает в свою страну никаких инспекторов. Как далеко они продвинулись и какое оружие, по Вашему мнению, они создали за это время?

ЭльБ: Ну, я думаю, что в том, что касается Северной Кореи, мы находимся в лучшей ситуации в смысле возможности сформировать мнение, в отличие от Индии, Израиля и Пакистана, поскольку там мы действительно никогда не проводили надлежащей проверки. В отношении Кореи, поскольку мы присутствовали там вплоть до известного момента три года назад, нам известно, что у них имеется плутоний. Мы знаем, что у них имеется плутоний, который может быть использован в оружии; мы знаем, что у них достаточно плутония для оружия. Они заявили, что они вепонизировали этот материал. Мы знаем, что у них имеется инфраструктура для вепонизации, так что я не удивлюсь тому, что они имеют плутониевое оружие.

ДМ: Если оставить детективную работу в стороне, то можно задать вопрос: зачем беспокоиться? Зачем беспокоиться, стремясь получить всю научную информацию, и какова цена всем этим усилиям, если, в конце концов, мы знаем, что у них есть что-то ужасное, и это длится годы, и было почти ничего не сделано для того, чтобы изменить ситуацию.

ЭльБ: Я думаю, что этим вопросом, безусловно, нужно заниматься. В 1992 году мы представили доклад по Северной Корее Совету Безопасности. Мы заявили, что они не соблюдают свое обязательство в отношении нераспространения. В 2003 году мы снова представили соответствующий доклад и заявили, что несоблюдение продолжается; они вышвырнули нас. Я все еще ожидаю решения Совета Безопасности.

ДМ: Продолжая разговор на эту тему, после Вашего важного замечания, давайте вернемся к Ирану. Не возникает ли у МАГАТЭ более серьезная проблема, чем у Ирана? Все говорят об угрозе представления доклада по Ирану Совету Безопасности. Что случится, если МАГАТЭ сделает именно это? Представит доклад по Ирану так же, как представляло доклад по Северной Корее, и снова ничего не произойдет. Нераспространение выглядит как система, не предусматривающая санкций, и никто действительно не пытается обеспечить, чтобы она действовала. Не является ли Иран для вашего Агентства таким же или более серьезным кризисом, чем для лидеров в Тегеране?

ЭльБ: Я думаю, что это кризис для всего мира, а не для МАГАТЭ. Мы играем роль системы раннего предупреждения. Мы действительно поднимали тревогу по поводу Северной Кореи еще в 1992 году. Не было сделано ничего. Мы действительно поднимали тревогу в Иране три года назад. События не развивались так, как они должны были развиваться.

ДМ: Позвольте мне прервать Вас на этой мысли. Насколько нервнрует Вас перспектива поднять тревогу на сей раз? Не из-за того, что Вы обнаруживаете в Иране, и не из-за вашей обеспокоенности, а потому, что, как Вы опасаетесь, Совет Безопасности ООН вновь ничего не сделает?

ЭльБ: Я должен поднимать тревогу, поскольку в этом заключается моя работа. И я также надеюсь, что кто-то составит полную картину, и это будет Совет Безопасности. Я упоминал этим утром, что необходим механизм соблюдения, с тем чтобы страны не могли оставаться безнаказанными. Если страна не выполняет свое обязательство, ее необходимо призвать к ответу. Северная Корея не была наилучшим примером, но с другой стороны, когда Вы говорите о Совете Безопасности, то в действительности речь идет об иных по характеру возможностях. Вы говорите о понимании вопросов, лежащих в основе проблемы, пытаюсь добиться мирного урегулирования. Вы говорите о санкциях; Вы говорите, в конечном счете, о применении силы. Поэтому Совет Безопасности не обязательно означает применение силы; он означает меры принуждения. Он означает санкции. Он означает, прежде всего, попытку наладить диалог между сторонами и попытку найти мирное решение. Но я согласен с Вами. Сейчас система не достаточно зубаста. Она то срабатывает, то не срабатывает. В случае Северной Кореи не было сделано ничего. Поэтому нам требуется стабильная система обеспечения соблюдения.

ДМ: Этот год был интересным для МАГАТЭ, г-н Генеральный директор. Вы сидите здесь, и Вы стали лауреатом Нобелевской премии мира. Год назад, примерно в это же время, администрация Буша старалась вытолкнуть Вас с вашей работы. Д-р ЭльБарадей, каково было противостоять президенту США, вице-президенту США, всей администрации президента в вопросе об оружии в Ираке?

ЭльБ: Думаю, я всего лишь просто делал мою работу. Я не обязательно должен нравиться всем.

ДМ: Пожалуй, это было нелегкое время. Такие ситуации приводят к бессонным ночам.

ЭльБ: Это было нелегко. У меня не было бессонницы из-за этого вопроса. Она началась, когда я узнал, что меня прослушивают и что я не могу говорить со своей дочерью без того, чтобы меня не прослушивали. У меня не пропал сон, когда мне нужно было заявить то, что, по моему мнению, представляло собой абсолютно правильные факты. Нас не надо любить; нас должны уважать. И это - самое важное для меня.

ДМ: Разве война в Ираке, разве весь этот опыт все изменяют? Я имею в виду, в отношении доверия к доказательствам государств-членов, в отношении достижения консенсуса о том, что такие доказательства могут означать для столь разных стран, как Россия, Китай и США. Значит ли это, что стало труднее вводить санкции, поскольку никто не доверяет имеющейся сейчас информации? И поскольку ситуация с Ираком заставляет страны во всем мире полагать, что если они не обладают ядерным оружием, в них может быть изменен режим. Изменил ли Ирак все для Вас?

ЭльБ: Ирак изменил многое, и не только для меня, но и для всех. С Ираком связаны многие уроки. Мы должны осторожно относиться к разведывательной информации. Мы не должны действовать поспешно. Нам необходимо понять, лучше ли применение силы, чем настойчивая дипломатическая работа. Мы постигаем множество уроков, но каждый понимает, что мы не можем просто сосредоточиться на прошлом. Нам предстоит сделать так много. Терроризм, распространение ядерного оружия; мы просто не можем позволить себе допускать разногласия. Всем нам необходимо продолжить совместную работу - государствам-членам, службам разведки, международным организациям, отдельным лицам. Угрозы, с которыми мы сталкиваемся, настолько значительны, что нам нужно забыть о разногласиях. Именно так поступили мы и именно так поступила новая администрация Буша.

ДМ: Насколько сильно ваше желание провести переговоры с А. К. Ханом и что он мог бы сказать Вам?

ЭльБ: Я хотел бы провести с ним переговоры. Хотел бы добавить, что пакистанское правительство проявило дух сотрудничества, предоставляя нам информацию, действуя в качестве посредника между А. К. Ханом и нами. Очевидно, в конечном счете, хорошо было бы провести с ним переговоры непосредственно. Но здесь я хотел бы отметить три обстоятельства. Во-первых: технология «вырвалась на свободу». Контроль ядерного распространения просто путем применения мер экспортного контроля больше не работает, поскольку не контролируется распространение технологий. То, что мы видели в Ливии, что мы видели в Иране, не было в действительности неспособностью Агентства как такового; это была неспособность стран установить контроль над своим собственным экспортом. Сеть А. К. Хана была везде. Мы обнаружили, что 30 компаний в 30 странах повсюду в мире действуют как часть...

ДМ: Тридцать стран? Ядерный универсам с привилегиями в 30 странах?

ЭльБ: В Европе, в Африке, на Ближнем Востоке, в Азии, повсюду. Таким образом, это - одна из проблем. Вторая проблема, конечно, заключается в анализе того, почему страны испытывают желание разрабатывать ядерное оружие. Причина этого - безопасность. Люди считают, что им грозит опасность. Если мы решим палестинский вопрос; если мы решим кашмирский вопрос, если мы на 90% решим корейский вопрос, то проблема распространения исчезнет. Остальные 10 %...

ДМ: Кто-то намерен встать и заявить, что иранскому правительству не нужно ядерного оружия для того, чтобы решить кашмирский вопрос, палестинскую проблему. Проблема действительно не в этом. Проблема в том, что правительства могут купить эту форму безопасности и могут заполучить ее, и никто реально не способен остановить их.

ЭльБ: Ирану, возможно, не нужно было бы решать ближневосточный вопрос, но Иран находится в весьма враждебном окружении.

ДМ: Я бы даже сказал больше. Весь наш мир враждебен. Так что даже если те три проблемы, о которых Вы говорили, исчезнут, до тех пор, пока не будет навсегда установлен всеобщий мир, ядерное оружие останется крайне заманчивым для правительств, и они будут стремиться заполучить его. И вновь возникнет проблема, как остановить их.

ЭльБ: Безусловно. Если вы неуверенны, если вы хотите ощущать свою силу... Обычно, ядерное оружие разрабатывают те, кто ощущает дефицит безопасности или хотел бы усилить свою мощь или влияние. Если вы хотите чего-либо подобного, то вы смотрите на тех, кто принадлежит к высшей лиге. И народы, принадлежащие к высшей лиге, все еще полагаются на ядерное оружие. Есть восемь стран, которые продолжают говорить всем остальным, что ядерное оружие не хорошо для них, но в то же время продолжают совершенствовать свои ядерные арсеналы.

ДМ: Это то, что президент Ирана фактически назвал ядерным апартеидом – то, что некоторые страны могут принимать решения относительно ядерных прав других стран.

ЭльБ: Пожалуй, я не стал бы называть это апартеидом. Нам нужна система безопасности, которая справедлива. Как сказал председатель Нобелевского комитета сегодня утром, нельзя просить всех не курить, держа во рту сигарету. Это не вызывает доверия; это не способствует устойчивости. Необходимо показывать пример.

ДМ: Сеть А.К. Хана вела переговоры с Аль-Каидой. Что говорит Вам о том, что террористы задумываются о ядерном оружии?

ЭльБ: Совершенно очевидно, что террористы интересуются приобретением ядерного оружия, радиоактивных источников. Если Вы поняли сложность того, мы произошло 11 сентября, ... то у Вас должна была возникнуть действительно большая тревога. Идет соревнование со временем. По моему мнению, самой главной угрозой безопасности, с которой мы сталкиваемся сегодня, является не рост числа стран, приобретающих ядерное оружие, а скорее, приобретение ядерного оружия террористами. Поскольку даже в том случае, если страна намерена приобрести ядерное оружие, можно надеяться, что все же сработает принцип ядерного сдерживания, ГВУ – гарантированного взаимного уничтожения. Если террористу попадет в руки ядерное оружие, то я не думаю, что он будет сомневаться, применить ли его. Они посылают нам именно этот сигнал.

ДМ: Это ваше замечание крайне важно. При всем внимании, с которым мы слушаем и которое газеты, дипломаты и правительства всего мира уделяют Северной Корее, Ирану, Индии, Пакистану или Израилю, находятся люди, полагающие, что если будет использовано ядерное оружие, то это сделает террористическая группировка, о которой, быть может, мы даже никогда не слышали.

ЭльБ: Думаю, что это возможно. И я вовсе не хочу преувеличивать. Опасность использования ядерного оружия в большей степени связана с террористами ... чем с государством, поскольку мы все еще исходим из концепции гарантированного взаимного уничтожения.

ДМ: Так что у мира есть средства, необходимые для решения этой проблемы, для того, чтобы остановить эту ужасную угрозу?

ЭльБ: Мы делаем все, что можем - и когда я говорю 'мы', я имею в виду МАГАТЭ вместе с остальной частью международного сообщества ... мы действуем настолько быстро, насколько это возможно, стремясь обеспечить надлежащую безопасность каждой ядерной установки, всего ядерного материала, каждого радиоактивного источника. Нами проделано 50 % работы. Предстоит сделать еще многое. Нам необходимо сосредоточиться на решении этой задачи; мы должны объединить все

имеющиеся ресурсы, ... поскольку мы ведем соревнование со временем.

ДМ: Присуждение Нобелевской премии крайне престижно. Каждый год вручают красивую золотую медаль и великолепный диплом ручной работы. Лауреаты награждаются также денежной премией - 1.3 млн. долларов, которая ежегодно делится между ними, причем в данном случае это д-р ЭльБарадей и Агентство. Что Вы намерены делать с денежной премией?

ЭльБ: Доля денежной премии, принадлежащая Агентству, будет израсходована на лечение молодых людей из развивающихся стран, и прежде всего женщин, страдающих раком и кормящих маленьких детей. Моя часть денежной премии... Я хочу использовать ее для помощи сиротскому приюту в Египте. Я происхожу из весьма бедной страны. Я знаю, что нищета делает с людьми, и моя часть премии будет направлена именно в эту область. Премия имеет для меня очень большое значение. Речь идет не о деньгах. Если бы деньги были главным, я уже давно остался бы без работы. В действительности важны заметность, репутация и дополнительный моральный авторитет, наряду со всеми трудностями, о которых мы говорили: ограниченными полномочиями, ограниченным бюджетом. Я думаю, что мы получили эту премию не за постоянные успехи, а за нашу последовательную работу в попытке сделать наш мир немного более безопасным, немного более гуманным.

ДМ: Последний вопрос. На первой странице сегодняшней местной газеты помещена ваша выразительная фотография под заголовком: 'Может ли он спасти мир?' Вы можете?

ЭльБ: Если Вы будете мне помогать.

ДМ: Хорошее завершение нашей беседы. Позвольте мне подытожить то, что Вы только что рассказали. Ежегодно норвежский Нобелевский комитет, руководствуясь теми или иными критериями, выбирает лауреата. Но есть основания для выбора, которые из года в год не меняются. Одним из них, о котором было недавно упомянуто, является вознаграждение за достижение. Другим является вознаграждение за усилия, когда достижение еще не совсем близко. Можно с уверенностью сказать, что МАГАТЭ - это именно такой случай. Правительства некоторых стран мира, террористические группировки все еще пытаются приобрести ядерное оружие, и Агентство продолжает работу, стремясь накопить инструменты, с помощью которых действительно можно было бы их остановить. Оно пока еще не располагает всем, что ему необходимо. В результате, некоторые из его критиков говорят, что оно не заслуживало Нобелевской премии. Его сторонники говорят, что именно по этой причине оно заслуживает премии. Поскольку в мире без каких-либо гарантий или легких ответов, МАГАТЭ или что-либо, весьма похожее на него, является нашей наилучшей надеждой.

Денежная премия

будет израсходована на финансирование стажировок в области питания и лечения рака в развивающемся мире

Седьмого октября норвежский Нобелевский комитет присудил Нобелевскую премию мира 2005 года в равных долях МАГАТЭ и Генеральному директору ЭльБарадею.

Денежные средства присужденной Агентству Нобелевской премии мира будут использованы для создания фонда стажировок и подготовки кадров с целью улучшения ситуации в области лечения рака и детского питания в развивающемся мире.

Для получения доли Агентства в престижной премии размером в миллион долларов был создан специальный фонд, известный как "Нобелевский фонд МАГАТЭ по проблемам рака и питания".

Сумма в 525 000 евро будет израсходована на развитие кадровых ресурсов в развивающихся районах мира. В области лечения рака средства будут потрачены на подготовку специалистов по радиационной онкологии с целью улучшения лечения рака и ухода за больными в рамках Программы действий МАГАТЭ по лечению рака (ПДЛР).

В области питания особое внимание в плане подготовки кадров уделяется роли питания в помощь обеспечению здорового развития детей с использованием ядерных методов для выявления проблем и оценки результативности принятых профилактических мер.

Стажировки будут целенаправленно предоставляться молодым специалистам и особенно женщинам из развивающихся государств-членов в рамках программы технического сотрудничества Агентства. Предполагается также организовать учебные курсы в региональных центрах в Африке, Азии и Латинской Америке.

Д-р ЭльБарадей рекомендовал государствам-членам и донорам вносить взносы в этот Специальный фонд, предоставляя дополнительные ресурсы как наличными, так и натурой. "Они будут использоваться для максимального развития возможностей Агентства в областях создания потенциала и передачи необходимого ноу-хау развивающимся странам", - сказал д-р ЭльБарадей.

Д-р ЭльБарадей направил свою часть денежной премии на благотворительные цели.